

Выступления ученых в защиту Академии наук. 1917-1929 гг.

Сложным и противоречивым был исторический путь, пройденный Академией наук в 1917-1929 гг. В этот период значительно расширилась сеть академических учреждений, выросла численность научных кадров. Сформировавшиеся еще в дореволюционный период ученые Академии наук внесли выдающийся вклад во многие области естественных и гуманитарных наук. Вместе с тем Академия наук понесла большие потери в личном составе в результате репрессий, эмиграции, голода и холода в годы гражданской войны и разрухи. Много сил и энергии ученые вынуждены были потратить на то, чтобы сохранить Академию наук, противостоять попыткам правительственных органов осуществить ее коренное расформирование.

"1918 и 1919 гг. были для нас весьма нелегкими, — писал впоследствии вице-президент Академии наук академик В. А. Стеклов, — Большевистское правительство с обычно свойственной ему решительностью приступило к осуществлению коммунистических идей в самом широком масштабе" (1).

На заседании Государственной комиссии по просвещению, состоявшемся в апреле 1918 г., говорилось о необходимости реорганизации Академии наук. В частности, М. Н. Покровский предлагал преобразовать ее в ассоциацию наук. Еще дальше пошел Научный отдел Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области, который в ноябре 1918 г. в одной из записок утверждал: "Что же касается разновидностей, именуемой высшим ученым учреждением типа Академии наук, то таковые подлежат немедленному упразднению как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества" (2).

Попытки Наркомпроса реформировать Академию наук вызвали тревогу среди ученых. Об этом свидетельствует запись в протоколе экстраординарного заседания Общего собрания РАН, состоявшегося

ся 26 (13) ноября 1918 г. : "Непременный секретарь, по поводу созыва ЭОС, доложил, что из бесед членов Академии с представителями Научного отдела Комиссариата народного просвещения выяснилось, что комиссариат предполагает ряд мер по реформе Академии, считая, что Академией ничего в этом отношении не предпринято. Выяснив ошибочность последнего мнения и напомнив о тех крупнейших переменах, какие произошли во внутреннем строе Академии, и в характере ее работы как за последние десятилетия, так и за последние годы и, в частности за два последних года, непременный секретарь указал, что настроение комиссариата по отношению к Академии не может считаться особенно благоприятным и что не исключена возможность попыток реформ извне, ввиду чего существенно было бы самой Конференции выяснить, в чем, по ее мнению, теперь же было бы возможно предпринять известный пересмотр Устава и действующих положений"(3).

Общее собрание поддержало предложение непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга и образовало комиссию под руководством президента Академии наук академика А. П. Карпинского "для пересмотра Устава и положений об учреждениях в Академии в видах выяснения того, какие в них могут быть внесены изменения"(4).

Негативное отношение академиков к "реформам извне" нашло отражение в письме А. П. Карпинского наркому по просвещению А. В. Луначарскому от 27 января 1919 г. "... Академия наук как учреждение научное и потому по существу своему чрезвычайно сложное, должна была отнестись к предпринимаемым реформам с большим вниманием и большою осторожностью, дабы эти реформы либо не явились чисто бумажными, а потому нежизнеспособными, либо не оказались разрушительными вместо того, чтобы быть созидательными"—писал А. П. Карпинский (5).

30 июля 1919 г. Общее собрание обсуждало "Соображения о некоторых желательных преобразованиях строя Российской Академии наук"—документ, подготовленный комиссией ученых во главе с А. П. Карпинским. В этом документе содержались конкретные предложения о расширении сети академических учреждений, демократизации системы выборов действительных членов, укрепле-

нии связей Академии с исследовательскими центрами страны и др. Документ получил одобрение ученых (6).

Однако Наркомпрос не был удовлетворен подготовленными Академией наук документами, и попытки реформирования ее не прекращались. Об этом говорилось в письме заведующего Петроградским отделом научных учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса М. П. Кристи, которое в феврале 1920 г. он направил А. В. Луначарскому. В письме содержалась краткая информация о положении вузов и научных учреждений Петрограда, отмечались трудности, связанные с установлением профессионального сотрудничества советской власти с научной интеллигенцией. Касаясь взаимоотношений с учеными, профессорами и преподавателями вузов, М. П. Кристи писал: "Я всячески поддерживаю их начинания и стараюсь укреплять их доверие к власти, указывая и разъясняя им при каждом удобном случае благотворное значение революции для просвещения и науки. Правда, еще много среди них волков, которых сколько ни корми, а они все смотрят в буржуазный лес. Но лучшие из них относятся к нам благожелательно и с доверием" (7). Конечно, сравнение ученых с волками не делает чести автору письма. В то же время нельзя не заметить, что М. П. Кристи стремился помогать ученым Петрограда-Ленинграда.

М. П. Кристи обращался к А. В. Луначарскому с просьбой: "Очень прошу не проводить без нас, петроградцев, реформу Академии наук. Вопрос слишком сложный и деликатный..." (8). Значит, вопрос о реформе Академии не был снят с повестки дня и в 1920 г.

Об отрицательном отношении ученых к разрушительным реформам академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман и другие неоднократно информировали А. В. Луначарского в личных беседах с ним. В свою очередь, нарком беседовал о положении дел в Академии наук с В. И. Лениным, который предостерег Наркомпрос от попыток коренной ее реорганизации.

20 февраля 1925 г. В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург направили в Совнаком СССР записку, в которой охарактеризовали роль Академии наук как высшего научного учреждения страны. В соответствии с изложенными в записке пожеланиями 27 июля 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление "О признании Российской академии наук высшим ученым учреждением Союза СССР". С это-

го времени Академия наук передавалась из системы Наркомпроса РСФСР в ведение Совнаркома СССР. В 1925 г. широко отмечали 200-летний юбилей АН СССР.

Казалось бы, попытки грубого вмешательства властей во внутреннюю жизнь Академии наук не должны были повториться. Этого, однако, не произошло. Впереди ученых ждали тяжелые испытания.

В литературе освещены обстоятельства, связанные с подготовкой и проведением выборов в Академию наук в 1929 г., "чисткой" ее аппарата (9). По сфабрикованному в 1929 г. так называемому "Академическому делу" многие ученые были репрессированы (10).

В ходе подготовки к выборам в печати широко обсуждались задачи Академии наук, перспективы ее развития. Выступивший со статьей на страницах газеты "Известия" Н. И. Вавилов писал, что Академия наук—это "прежде всего первоклассная мастерская науки, в которой мастера науки прокладывают новые пути в решении важнейших проблем, волнующих страну и все человечество, и показывают стране личным примером, как надо работать и куда направлять исследовательскую энергию" (11).

В октябре 1928 г. были сформированы выборные комиссии, задача которых заключалась в том, чтобы дать заключение о тех ученых, каких они считали достойными быть избранными в академики. Выборную комиссию по наукам биологическим возглавил академик В. Л. Комаров, ее членами являлись академики И. П. Бородин, С. П. Костычев, П. П. Лазарев, С. Г. Навашин, Н. В. Насонов, И. П. Павлов и А. Н. Северцов (12).

В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук имеются три документа И. П. Павлова, связанные с выборами новых академиков.

В первом документе, датированном 11 июня 1928 г., И. П. Павлов рекомендовал к избранию в академики профессора 1-го Московского университета биохимика В. С. Гулевича (13). (Этот документ опубликован в трудах, посвященных И. П. Павлову).

В двух других документах И. П. Павлов выразил свое отношение к процедуре проведения выборов. Речь идет о письме И. П. Павлова в Президиум АН СССР от 9 октября 1928 г. и его записке иод названием "Для протокола Общего собрания 6-го октября 1928 г.", датированной 10 октября 1928 г.

В письме в Президиум АН СССР (оно полностью опубликовано в статье Ф. Ф. Перченка) И. П. Павлов отказался участвовать в работе выборной комиссии в виду ее "политической постановки". Свой отказ И. П. Павлов мотивировал также нездоровьем после перенесенной операции (14).

Что касается упомянутой записки И. П. Павлова, то она воспроизведена в статье Ф. Ф. Перченка не полностью, а именно часть записки со слов: "А до какой степени настоящий образ действия влияет на людей" в статье упущена. Приведем документ полностью:

"Для протокола Общего собрания 6 октября 1928 г.

Считаю своим долгом остановиться на важной особенности предстоящих выборов новых членов Академии наук. Впервые в истории нашей Академии, сколько я знаю, Правительство перед выборами заявляет о желательности для него определенных кандидатов. На исполнении этого желания часто грозно настаивают все органы Правительства (печать, теперешние представительства высших учебных заведений и общественных учреждений). Мне представляется, что это подрывает достоинство Академии и тяжело ляжет на академиков. Было бы справедливее со стороны Правительства непосредственно самому назначить нужных с его точки зрения лиц в состав Академии. А до какой степени настоящий образ действия влияет на людей! Я привожу случай, имевший место 3-4 года тому назад. Тогдашний Председатель Исполкома Зиновьев вынудил работников просвещения процедурой: "Предлагается резолюция. Кто против? Молчание. Резолюция *принимается единогласно*". Неприемлемое для них заявление. Я встретил около этого времени одного из моих товарищей-профессоров и высказал ему свое негодование по поводу этого. Надо прибавить, что этот товарищ имел репутацию особенно порядочного человека. Его ответ был следующий: "Чего Вы хотите? Разве Вы не знаете, что теперь всякое возражение есть самоубийство".

Нельзя не признать нашего теперешнего положения исключительно ответственным.

10 октября 1928 г. Академик Иван Павлов" (15).

Приведенные документы не нуждаются в комментариях. Выступив против вмешательства властей во внутреннюю жизнь Академии наук, И. П. Павлов проявил подлинное мужество. Он в полной мере

осознавал свою ответственность перед Академией наук и отечественной наукой.

11, 18 и 20 октября 1928 г. проходили заседания выборной комиссии по наукам биологическим. Председательствовал на них В. Л. Комаров. В заседаниях участвовали упомянутые выше академики (за исключением И. П. Павлова), утвержденные членами комиссии, а также представители союзных республик, научных учреждений и вузов В. П. Волгин, В. М. Игнатовский, Ю. И. Озерский, Ф. Н. Петров, И. А. Севастьянов, С. М. Тер-Габриэлян и О. Ю. Шмидт.

Комиссия рекомендовала к избранию в академики Н. И. Вавилова, В. С. Гулевича, М. А. Мензбира, Г. А. Надсона и Д. Н. Прянишникова (16).

12 января 1929 г. Общее собрание избрало академиками 39 ученых, среди которых были многие крупнейшие деятели науки, в том числе и названные выше биологи.

Однако три ученых-коммуниста, претендовавших на академические кресла (философ А. М. Деборин, историк Н. М. Лукин и литературовед В. М. Фриче), не получили полагавшегося по Уставу АН СССР количества голосов и оказались забаллотированными. Немедленно в адрес Академии наук посыпались обвинения в "непопулярности" к советской власти, ее враждебности к социализму. Раздавались голоса о необходимости коренной реорганизации академии и даже о ликвидации ее. Страницы газет были заполнены заметками, авторы которых, не утруждая себя доказательствами, жестко критиковали Академию. "Атмосфера вокруг академии сгустилась", — констатировал С. Ф. Ольденбург в феврале 1929 г. (17)

В этих условиях Академия наук вынуждена была пойти на компромисс. Она обратилась в Совнарком СССР с ходатайством — разрешить Общему собранию в новом составе провести повторную баллотировку трех кандидатов, минуя предусмотренную Уставом процедуру выборов. 9 февраля 1929 г. Совнарком СССР удовлетворил это ходатайство, а 13 февраля 1929 г. состоялись повторные выборы. Все три, ранее забаллотированные кандидата стали академиками.

Следует отметить, что многие академики в январе-феврале 1929 г. высказали в печати свое мнение об итогах выборов. "Ученые вовсе не оскорбили рабочий класс тем, что отвергли кандидатуры в академики лиц, не имеющих достаточного научного значе-

ния"—так оценивал результаты выборов академик В. М. Истрин (18). Большинство академиков отвергло обвинения, высказанные в адрес академии.

На состоявшемся 9 февраля 1929 г. заседании Совнаркома СССР деятельность Академии наук была подвергнута жесткой критике в выступлениях Г. М. Кржижановского, В. В. Куйбышева, А. В. Луначарского, Д. Б. Рязанова и др. "Мне кажется, что СНК должен констатировать, что надежды на Академию в целом, на превращение [ее] в научный центр нашей страны потерпели фиаско. Это крайне печально, но об этом приходится говорить,"—подчеркивал В. В. Куйбышев (19). Д. Б. Рязанов резко критически оценивал выступления И. П. Павлова, касающиеся выборов (20).

Присутствовавшие на заседании академики А. Ф. Иоффе, А. Н. Крылов, Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов и С. Ф. Ольденбург в своих выступлениях говорили о работе Академии, ее достижениях. С. Ф. Ольденбург отмечал, что "нельзя забывать о нашей одиннадцатилетней работе" и "все обязаны об этой работе знать" (21).

О реакции В. В. Куйбышева на выступления академиков свидетельствует следующее его высказывание: "Мне кажется, что ак. Иоффе—великий мастер своего дела и великий ученый в своей области—проявил величайшую наивность в своем выступлении, когда полагает, что в голосовании, произведенном академиками, не было абсолютно никакой политики... . Ак. Платонов также отрицает в этом акте забаллотирования трех кандидатов, выставленных советской общественностью, элемент политический. Мне кажется, что он также заблуждается" (22).

Спустя год после выборов, в январе 1930 г. А. В. Луначарский в докладе на заседании партийной организации Академии наук говорил: "Были и такие заявления: якобы Ак[адемия] наук не играет никакой роли в хозяйстве СССР, но мы считаем данное течение неверным и одновременно вредным. Он подчеркивал, что присущие Академии наук недостатки "не дают нам права разбить Академию наук как научное учреждение" (23).

Бесспорно, что принципиальная позиция ученых, выступавших за свободу научного творчества, демократизацию науки, имела важное значение в сохранении Академии наук, дальнейшем развитии ее как высшего научного учреждения страны.

Примечания

1. **Стеклов В. А.** Переписка с отечественными математиками. Воспоминания // Научное наследство. Т. 17. Л., 1991. С. 289.
2. **Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области.** 1918. № 6-8. С. 69.
3. **Протоколы Общего собрания Российской Академии наук.** 1918. §290 // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165.
4. Там же.
5. **Документы по истории Академии наук СССР.** 1917-1925. Л., 1986. С. 116.
6. **Протоколы ОС.** 1919. Приложение к протоколу VII экстраординарного заседания ОС от 30 июля 1919 // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 166.
7. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. 2306. Оп. 1. Д. 429. Л. 165 об.
8. Там же.
9. **Перченко Ф. Ф.** Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Историч. альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 175-235.
10. **Академическое дело.** 1929-1931 гг.: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. Вып. 1. СПб., 1993.
11. **Известия.** 1928. 18 мая.
12. **ПФА РАН.** Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 89. Л. 265.
13. Там же. Д. 91. Л. 421.
14. **Перченко Ф. Ф.** Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Историч. альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 180-181.
15. Там же. С. 181; ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 89. Л. 308.
16. **ПФАРАН.** Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 101. Л. 7.
17. **Известия.** 1929. 10 февраля.
18. **Известия.** 1929. 30 января.
19. **ПФАРАН.** Ф. 2. Оп. 1-1929. Д. 95. Л. 37об.-38.
20. Там же. Л. 31.
21. Там же. Л. 40.
22. Там же. Л. 36.
23. **Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.** Ф. 2019. Оп. 2. Д. 21. Л. 1.